

ПРОТИВ ПАССИВНОСТИ

Казанского студента Владимира Ульянова вез на извозчике в часть полицейский пристав и уговаривал:

— И что вы бунтуете, молодой человек... Ведь стена!

Под стеной он разумел тогдашний строй. Был твердо уверен в его несокрушимости. Бей, чем хочешь — головой, кулаком, бомбой, — все равно не разрушишь.

— Стена то стена, да гнилая. Ткни — развалится, — ответил студент Ульянов. Не перестал бунтовать. Стал профессиональным революционером.

В Петербурге Ульянов — уже Ленин — был приглашен на блины в один либеральный дом. Блины были устроены для конспирации. Говорили о политике.

«Речь шла о путях, какими надо идти. Кто то сказал, что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как то зло и сухо звучал его смех...

— Ну, что-ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что-ж, мы не препятствуем»...

Сам он ушел за границу, чтобы вне ударов власти создать центр революционной борьбы, вырабатывать ее теорию и практику. Оттуда строил в России свою партию.

Над ним смеялись. В него не верили. Мало кто верил и в революцию вообще — особенно после разгрома ее первой волны. Но Ленин в революцию верил: твердо, фанатично. Только ей — ничему другому — отдавал всю жизнь, все помыслы.

— Развалится, — упорно твердил он. И бил своей партией в трехсотлетнюю стену. «Наиболее энергичным, бодрым, способным к неутомимой борьбе, к сопротивлению и постоянной организации является тот элемент, те организации и те ли-

ца, которые концентрируются вокруг Ленина», — писал департамент полиции накануне войны. ¹⁾

И все-таки Ленин мог и не пробить стены — сложись иначе историческая обстановка. Тогда это сделали-б его наследники. Он же сгнил бы в эмиграции, как Ткачев, либо в тюрьме, как Нечаев. И какойнибудь профессор, в перерыве меж собраниями, написал бы о нем:

— Пустой был человек, неположительный. Мечтатель, фантаст. Не соразмерил своих сил с реальными возможностями. Исключил себя непоправимо из активного политического процесса.

Но стена рухнула. Ленин стал властителем русского государства. Из эмигрантской каморки на Шпигельгассе в Цюрихе переехал в Кремль.

Устрялов написал:

— Бывают эпохи, когда жизнью правят фантасты, а «люди реальной жизни», отброшенные и смятые, погружаются в царство призраков. Мечтатели и фантасты становятся реальнейшим орудием судьбы, трубою века, молотом истории. Обычно эти эпохи потом называются, — «великими». ²⁾

Наша эпоха поистине великая. И верно, что ее лицо определяют фантасты.

Из одного века мы переходим в другой, от одного жизненного строя к другому. Все в ломке, все в стройке. Будущего никто еще ясно себе не представляет. Поэтому анализ «людей реальной жизни» отстает сегодня перед интуицией мечтателей и фантастов. В то же время люди малых дел, в нормальное время руководящие сонной жизнью народов, отступают на задний план — перед людьми больших дерзаний, перед солдатами жизни. Не просто фантаст побеждает сегодня. Но фантаст, являющийся одновременно суровым воином.

¹⁾ Цитирую по книге Троцкого: История русской революции, т. I, стр. 56.

²⁾ Н. Устрялов. Под знаком революции. Статья «Памяти Ленина», стр. 245.

Это потому, что за будущее, за господство в нем идет ожесточенная борьба меж двумя крайностями, меж двумя полюсами современного человечества: меж интернационализмом и национализмом, меж коммунизмом золотого тельца и марксизма — и социализмом народным.³⁾ Вначале победил золотой интернационал, марксизм, коммунизм. Сейчас начинает побеждать национализм и народный социализм. Народы просыпаются. Сознают свои интересы. Начинают отличать друзей от врагов.

Передовые отряды нового социального национализма формируются и сплываются во всех странах. Напрягают мускулы, собирают все силы воли, ума, таланта. Борьба и сейчас нелегка — решительные же бои впереди. Только не теряться! Верить в свое дело, не останавливаться на полпути, бороться и бороться — может быть, до последнего дыхания, но и до победы. Только с боем будет взята новая жизнь! Только «фантасты» и солдаты ее завоюют!

Новый национализм пробуждается, становится все сильнее и в России. Он завоеует, конечно, и ее. Но трудностей пути этого завоевания преуменьшать нельзя. В России марксизм огромная еще сила. И его усиленно поддерживает сейчас золотой интернационал. Что-ж: тем напряженнее должна быть борьба!

Новый национализм родился и в русском зарубежье. Молодые поколения эмиграции захватывают те же идеи, которые начинают руководить молодежью России. И, естественно, и здесь, как и там, против этих идей и их носителей началась борьба. Она ведется разными слоями, по разным мотивам, в разных формах. На одной стороне этой борьбы я хочу остановиться: на пораженческих песнях, которые все громче начали последнее время раздаваться за рубежом. Одни повторяют казанского пристава: новое-де самодержавие непоколебимо, «стена». Другие пускают слезу и лепечут о ранах родины, которых не надо, де, «растревлять» — даже для того, чтобы их залечить. Но всех дальше идет харбинский профессор Устрялов — виднейший спец по разоружению русской интеллигенции. Он призывает не только в комитет грамотности, не только

³⁾ Термин описательный, не устанавливающий никакой преемственности с дореволюционной партией того же наименования.

не бороться, но и поддерживать политически нынешний марксистский режим России.

Политическое значение эмигрантской молодежи (как и вообще эмиграции) в судьбах нашей родины ничтожно, утверждает харбинский профессор. И «от зарубежной молодежи родина сейчас меньше всего требует практико-политической активности». «В настоящее время подлинная политическая «активность» сосредоточена в руководящем слое государства, в правящей партии и в комсомоле». «Страна не нуждается в другой партии, — с нее за глаза достаточно и одной». «Внутренние процессы, переживаемые революционной эпохой, выражают, как в фокусе, историческую эволюцию страны. Меньше всего этим процессам следует мешать шумливыми жестами «борьбы» из за границы... Простодушные «борцы», желающие во что бы то ни стало включить себя в процесс, лишь исключают себя из него — более или менее непоправимо»...

Что же делать? — «Не переоценивать своих возможностей. Знать свое место... Если эмигрантская патриотическая молодежь тяготеет жизнью вне родины — пусть едет легально в СССР и растворится там в новом поколении; там вдоволь почвы для активности без кавычек, для деловой работы... Заграницей же людям нового поколения остается пристально следить за динамикой событий и действительно заботиться: 1) о посильной политической защите Советского Государства (и русской Революции) от опасностей извне и 2) о продолжении и запечатлении духовного лика России, его утверждению перед всем миром и для всего мира. Вот единственно целесообразные и вполне почетные формы желанной «активности» русских заграницей». Желанной? Для кого? — Я думаю, что сам начальник иностранного отдела ГПУ не мог бы высказать того, что ему желанно в русской эмиграции яснее, чем это делает профессор Устрялов.

Я вовсе не хочу этим сказать, что Устрялов сознательно выполняет «социальный и политический заказ». Для этого нет никаких оснований. Рассуждения профессора Устрялова напоминают мне больше то, что говорили у нас «детям» все благо-

намеренные чиновники и профессора со времен Николая I. Так беседовал папаша Бакунин с сыном, друзья с Герценом, все либеральчики с Чернышевским, с Ткачевым, с народовольцами, с Лениным, наконец. Тоже взывали к реализму, к жизненной мудрости, предостерегали от пагубных и никуда не ведущих увлечений, заклинали не портить жизнь, не губить своих, со слезой напоминали о святом долге перед родиной — и видели единственный символ служения стране в вицмундире «действительного статского советника кабинетной науки и государственной службы». И все эти рассуждения совпадали, как близнецы, с мыслями и планами официальных охранителей основ — жандармских полковников, полицейских приставов.

И все таки: Бакунин делал свое дело; Горцен променял положение губернского советника на роль «колокола» русской совести за границей; жил и работал за границей Ткачев; в каменном мешке не переставал мечтать о революции Нечаев; убивали и умирали народовольцы — и в «эмигрантской реторте» подготовил революцию Ленин. Так было. Так будет.

Я знаю: сейчас русские зарубежья, лишённые охранительного благоговения перед властью, активные по природе, с крепкими мускулами и живой кровью, не последуют советам харбинского профессора. Ибо как они могут защищать политически нынешнее правительство России, если они видят, что в общей своей линии оно сейчас правительство народного разложения и истощения, национального позора и унижения? Как могут они утверждать перед миром «духовный лик России», когда все русское в России топчется и унижается, когда и страной и русской культурой распоряжаются инородцы, когда весь «духовный лик» русской нации скрыт под уродливой маской интернационального, инородческого марксизма? Как?.. Нет, не поддерживать нынешний строй пойдут активные люди зарубежья — ибо это было бы самое явное поражение в отношении родины. Они пойдут свергать, менять его. И на этом пути они пойдут не против русской революции, а с нею. Не против людей русской революции, но с ними.

Устрялов сегодня больше всего недоволен моей «проповедью национальной революции». «На очень дурной путь стал Дмитриевский... Речь явно идет о русском Гитлере»...

Почему о Гитлере? Откуда взял это Устрялов? Я нигде и никогда не говорил о том, что Гитлера надо переносить на русскую почву.

Я не хочу этим сказать, что Гитлер — это плохо. Нет, очень даже хорошо. Он несет освобождение — социальное и политическое — немецкому народу. Он дает много полезных уроков народам всего мира. Он — последнее слово революционного национализма, в котором использован опыт всей эпохи после мировой войны.

Неправда, что Гитлер реакционер, как это утверждает Устрялов. Он революционер. Он вышел из тех же истоков, из тех же потребностей века, из каких вышла национальная струя нашей революции и итальянский фашизм — и он идет туда же, куда и они. Напомню: «...Русский большевизм и итальянский фашизм — явления родственные, знамена некоей новой эпохи... И тот, и другой — вестники «цезаризма», звучащего где то далеко, туманною музыкой будущего». Кто это писал? Устрялов.⁴⁾ Почему же сейчас он гитлеровский национал-социализм, явление, несомненно, того же порядка, что и национальная струя в нашем большевизме и итальянский фашизм, более только современное, больше соответствующее по этому интересам широких масс трудящихся, — почему он его отбрасывает на другой полюс?

И тем не менее я никогда не скажу, что нам нужно перенесение на нашу почву Гитлера, как такового, целиком. Полезное в его опыте мы, конечно, возьмем, как и он, сознательно или бессознательно, кое что взял и у России и у Италии, — но и только. В том то и суть национализма, что он предлагает для каждой страны — в рамках общих потребностей и идей века — своеобразный путь. Зачем нам Гитлер, когда у нас есть свое, достаточно богатое и мощное национальное и революционное движение?

⁴⁾ Н. Устрялов. Под знаком революции, стр. 409.

Мы давно уже в революции. В этом наше основное преимущество. Нам не надо начинать новой революции, как это вынужден Гитлер. *) Мы избавлены от необходимости развязывать стихию масс для того, чтоб создавать новую, потребностям социально-революционного национализма соответствующую, государственность. Такая государственность у нас уже создана — и в этом историческая заслуга Ленина. Вместе с тем и основная подготовительная работа по социальному переустройству страны у нас произведена. Произведена с излишествами, почти неизбежными в эпоху революции, особенно в начале ее, когда путь еще неясен, когда диктуют «санкюлоты». Наша задача — все эти излишества устранить. Раскрепостить человека и его труд. Обеспечить минимум твердых гражданских прав. Дать вообще стране твердое законодательство. Борьбе классов противопоставить их сотрудничество. Всеобщей пролетаризации — всеобщее обогащение. Словом: сделать то, что делал всякий приходящий на смену санкюлотизму цезаризм.

Чтобы осуществить все это, вовсе не надо делать новую революцию, подымать массы на новый бунт, распоясывать стихию. Революция есть, революция продолжается. Наша задача — закончить ее, консолидировать ее жизненные завоевания, заключить реальный компромисс меж ее крайними требованиями и высшими точками старого. Все это — под знаком национальных потребностей руководящих народов России. Все это — под знаком социальных идей века. Пользуясь термином Устрялова, мы должны закончить «национализацию Октября». «Закончить» — потому что наша революция с самого начала имела в себе глубокие национальные черты. Они углубляются с каждым годом. Они все больше подрывают и делают ненужным все наносное: чужеродные идеи (марксизм) и чужеродных людей. Сейчас созрел момент подойти к решающим действиям: выбросить совершенно, на помойку истории, Карла Маркса с его чернокожием и его черной сотней. Исключить их из жизни нашей страны.

Да, именно сейчас, но и только сейчас созрел такой момент. И здесь — ответ на непродуманное утверждение Устря-

*) См. статью В. Жукова, «Утверждения» № 1, стр. 69.

лова: «русский фашизм безнадежно опоздал; он был еще у места в 17 и 18 году, во времена корниловского выступления». Вот как раз тогда — не «фашизм», конечно, это слово ни к чему, оно не наше слово, — революционный национализм был невозможен — ибо не было ни того опыта, ни тех идей, что сейчас. Тогда национальная мысль питалась у старых, уже нежизненных истоков. Она не была еще ни революционной, ни социальной. И потому тогда отвоевать массы у марксизма еще не могла. Так было не только у нас. И германские Корниловы — они были — в 19 году не имели успеха. И Гитлер в 19 году имел только семь последователей. Опыт десятилетий революций научил и массы и вождей. Вырос новый социальный и революционный национализм. И только сегодня он может победить.

**

То, что я зову строить русскую социально-революционную национальную партию исключительно в эмиграции, из зарубежных кадров — это опять догадка профессора Устрялова. Если-б было так — это было бы действительно мальчишество и авантюра. Но этого нет. «Наполеоны зреют в недрах революции». Верно. И именно потому борьба русского революционного национализма идет прежде всего внутри страны, в кругах «активно» влияющих на судьбы родины. Мы здесь, за рубежом, — живой кусок внутри-русского движения, во многом ему помогающий. Зарубежная «реторта» очень важна: если, конечно, она может быть полностью и вне ударов и вне влияния полицейских органов власти. Она помогает «осмыслить процесс», помогает и практически толкать его.

Ясно также: чем больше людей эмиграции переплавится в этой реторте, станет частью живого куска родины и живой в ней борьбы — тем лучше.

**

Немногок противостоит, когда Устрялов начинает защищать от меня — революционера и большевика по воспитанию — революцию вообще. Я спрашиваю: а что общего у харбинского профессора с революцией? В особенности с нашей революцией?

...В Омске, при Колчаке, два профессора вели беседу.

— Конечно, говорил Устрялов, дай Бог победы Колчаку, и хочется верить, что победа будет. Но... но вдруг? А что если не будет победы? А вдруг победят они? Что тогда? Что будет с Россией, со всеми, с нами?.. Ужели духовная смерть?

— Ну, нет, говорил Ключников. — Если победят они, значит, они нужны России, значит, история пойдет через них. Мы во всяком случае должны быть с Россией. Что же — встретимся с большевиками...⁵⁾

Вот оно, «приятие революции» Устряловым! — «Дай Бог победы Колчаку». И вместе с тем решено: если победят «они» — «встретимся с большевиками». «Мы во всяком случае должны быть с Россией». С Россией ли?

...В 26 году Устрялов ездил в Россию. В ту Россию, которую по нашему разумению строили мы, а он немножко незлопад славословил из-за рубежа. И вот что он записал: «Не скрою, в это йнковой атмосфере и сам я подчас начинал себя чувствовать словно чуждым, далеким, слишком старомодным человеком. Тоже «человеком заката». Словно за бортом жизни, за бортом истории»...⁶⁾

**
*

Никогда не был Устрялов «фантастом». Никогда не был со-звучен эпохе, создаваемой «фантастами». Никогда не был революционером. В 1905 году — гимназистом шестого класса — он «с чувством отвращения и неприязни» читал революционные стихи. Потом он прошел «слишком хорошую школу» («Вехи», «две революции») — и вышел из нее с еще большим отвращением к революции. вообще. Для него революция — всякая — «бездна». Как жить, когда «начальство ушло»?

И не революцию принял сегодня Устрялов, но только государство, вышедшее из нее, как принял бы и государство, созданное против нее. Ибо для него государство, как таковое, вне зависимости от его классовой и социальной сущности, есть нечто самодовлеющее, «потустороннее добру и злу». В то же время для него — прямого наследника многих поколений «дей-

5) Н. Устрялов. Под знаком революции. 87. Ст. «Вперед от «Вех».

6) Н. Устрялов. Россия. 27.

ствительных статских советников кабинетной науки и государственной «службы» и воспитанника «Вех» ⁷⁾ — вне государства нет жизни. Сам по себе в широком мире Устрялов утвердить себя не может. Своего государства тоже не создаст. Он «тихий специалист государственного служения» — он служит, — и только. Ему нужен прочный порядок, выбитая колея, устойчивое кресло, нужно крепкое дерево государственности. Ведь характерно: устряловщина, сменовеховство в России стали идеологией именно «служилых людей» из беспартийной интеллигенции — и только. Да и то лишь на время.

Вот почему Устрялов и сейчас против всякого активизма, против всякой реальной политики во вред существующему строю. «Открытая защита оппортунизма, как системы политического действия», — так определяет он сам свою позицию.

— Если дух государственной дисциплины и лояльности есть обывательщина, то да будет она благословенна! — восклицает Устрялов. И зовет молодежь с путей революционной борьбы в школы грамотности, зовет защищать власть ВКП, власть нынешней Москвы — против России!

**

Помню: на 14-м съезде партии Сталин говорил:

— Устрялов служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено, товарищи. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет. ⁸⁾

Мой призыв к зарубежной молодежи:

— Бойтесь устряловщины!

С. Дмитриевский.

⁷⁾ Н. Устрялов. Под знаком революции. 33.

⁸⁾ И. Сталин. Вопросы ленинизма, 392.